

Об отрешенности, которая зажигает сердце

Представьте себе звезду, которая погасла, но ее свет еще несколько тысячелетний будет согревать планету и поддерживать жизнь. Однако жизнь на этой планете только-только зародилась. Жизнь зародилась, а звезда погасла. И потребуются сотни лет, чтобы жизнь осознала саму себя. «Горе нам! – скажут люди на той печальной планете, - Мы родились не вовремя. У нас нет будущего». Вот что такое время. Вот его образ. Так работает время.

А вечность? Что такое вечность? Вечность – это когда ты перестаешь охотиться за будущим. Вечность – это когда ты знаешь, что внутри тебя есть звезда, которая не погаснет. Но не может эта звезда и родиться. Ведь она вне времени. Она находится не в том мире, в котором постоянно что-то случается. Вот что такое время и что такое вечность.

Звезда, которая горит внутри тебя, называется Отрешенность.

Но что такое отрешенность? Иногда люди думают, что отрешенный человек не испытывает эмоций. Что он равнодушен и даже эгоистичен. Что он пребывает в некоем трансе. Он занимается «созерцанием собственного пупка», как сказал один мой знакомый. Но самое страшное, когда полагают, что отрешенный человек никого не любит. Конечно же, это не так...

Мы уже говорили о том, что испытывал легендарный древнеиндийский царь по имени Рама. Когда демон похитил Ситу, его жену, то царь, как любящий муж, был безутешен. Рама рыдал, но как бог он был абсолютно спокоен. «Моя душа скорбит смертельно», - говорит Христос в Гефсимании, и в тоже время Он находится в «неподвижной отрешенности», как выразился Мейстер

Экхарт. Внутренней человек Христа отрешен и спокоен. Стенает Богородица, но ее внутреннего человека никто и ничто не может привести в замешательство. Или как скажет Григорий Померанц - Божья Матерь остается отрешенной в своей последней глубине, задыхаясь в рыданиях у креста.

Вспомните иконы Божией Матери. Богородица никогда не смотрит на младенца-Иисуса. Неужели потому что она Его не любит? Ее взгляд покоится в глубине сердца. В глубине всеобщего Сердца. Она уже всё знает. Она – сама Любовь. Ее внутренний, сокровенный сердца человек уже связал все концы и начала. И он отрешён.

Одна из поэтических книг Зинаиды Александровны начинается таким стихотворением.

Скала крутая посредине вод
С внезапно обрывающимся краем...
Огромный замок над водой встает -
Извечно пуст и вечно обитаем.

Незримый шаг впечатался в плато,
Беззвучный голос раздался в просторе,
Огромный замок, где живет Никто,
Тысячелетья висится над морем.

И в замке нет ни одного угла,
Откуда бы хоть раз хозяин вышел,
Но если ты застынешь, как скала,
Ты, может быть, увидишь и услышишь.

Всю глубину вдруг обнажит вода,
Замрет последняя земная нота.
И Он войдет, - вот Тот, что есть всегда, -
Никто, который явственней, чем кто-то.

Замок пуст, но он обитаем. В замке живет незримый, беззвучный Никто. И нужно замереть, как скала, чтобы увидеть и услышать Его. И пока ты не отрешись от мира, от себя самого, ты ничего не узнаешь ни о мире, ни о самом себе...

Я помню, когда первый раз очень ясно понял, что я, действительно, есть.

Это случилось в двенадцать лет. У меня был друг Игорек. Он прекрасно пел, замечательно играл в футбол и был первым задирой. А нужно сказать, что мы учились в параллельных классах, причем не в обычной школе, а в лесной. Наверное, кто-то не знает, что такое лесная школа. Это закрытое учебное заведение для трудновоспитуемых. В советское время в лесную школу можно было загреметь двумя путями. Либо ты состоял на учете в детской комнате милиции, и общество, включая отца и мать пыталось от тебя избавиться. Либо тебя ставили на учет в туберкулезном диспансере и рекомендовали сосновый воздух, которого просто завались в лесном интернате. Мои родители едва понимали, куда они меня отдадут. За что я им, кстати, очень благодарен.

Итак, «трудных» и больных держали вместе. Лесной интернат это, конечно, не колония для малолетних, но очень серьезное приглашение во взрослую жизнь. Туберкулез в чахоточном убивался кулаками, а «трудные» были насквозь пропитаны нашими болезнетворными палочками. Это был честный обмен, и никто не жаловался. Туберкулез казался мне разновидностью преступления, а трудновоспитуемость – болезнью. Мы носили одинаковые

вельветовые костюмы, учились в стеклянных классах, а по четвергам ели жареную скумбрию, от которой меня тошнит до сих пор. Иногда ночами совершали набеги на столовую, воруя сухофрукты и репчатый лук. Сердобольный персонал интерната держал эти деликатесы в открытом доступе.

Игорька ненавидели все в нашем классе. Он был особенным. Он был солнечным. И этот солнечный мальчик дружил со мной – последним заморышем. Почему его должны были подкараулить и избить? Да потому что он был лучшим. Худощавый, смешливый, бешенный, он мог дать отпор любому. Поэтому бить его следовало всей толпой. Меня, конечно, в расчет не брали, когда плели заговор у подоконника. А потом оглянулись и всё поняли. И они сказали, что если я, если только я, да если я только, то тогда от каждого по десять ударов, тогда конец, так что лучше молчи.

Я пытаюсь вспомнить, где собирались разобраться с Игорем. На футбольном поле, в столовой, в раздевалке? Нет, не помню. Десять ударов из сотни должен был сделать садист-Алеша, кулаки которого напоминали маленькие табуретки. Но Игорек был моим другом. И предать его я не мог. Даже если бы очень захотел. Даже если бы из-за всех сил захотел. А мне когда-нибудь и так досталось бы. Не в среду, так в четверг. Потому что я подрывал мальчишескую идею единства. Я не имел права иметь друга в параллельном классе.

Но четверга ждать не пришлось. Собрались в палате, закрыли дверь. Первым бил Алеша. Сопротивляться не имело смысла. Нужно было просто держать удар. Я посмотрел в окно. К небу тянулись хвойные лапы. «Говорили мы тебе?» - спросил Алеша. Но я был далеко от них. Слишком далеко, чтобы отвечать. Может быть, тогда впервые я познакомился с отрешенностью. Всё было уже сделано, переживать было не о чем. И я был абсолютно спокоен. На

восьмом ударе Алеша сказал: «Да ладно, че с него взять». Все поскучнели. Расправа дело глупое. Класс разошёлся, бестолково отточив на мне свое классовое чувство.

До середины ночи я лежал в кровати с открытыми глазами. Просто лежал и смотрел. А потом достал луковицу из тумбочки, и, обливаясь слезами, сожрал ее. Но это были слезы от лука. Это были слезы победы. Все мои внутренности горели. И, наконец-то, загорелось сердце. В эту ночь с туберкулезом было покончено. Я стал «трудным»...

Тема отрешенности одна из главных в творчестве Миркиной. Ее Деревья всегда вестники иного мира.

Они идут своей дорогой
К незримой цели напрямик:
Всё время ввысь, всё время к Богу,
Не отвлекаясь ни на миг.

Атланты эти небо держат,
Сплетя над нами сотни рук.
Их отрешенность – тайный Стержень
Всего, что движется вокруг.

Отрешённость и есть тайный стержень жизни.

Итак, в ту ночь сердце моё зажглось. И зажглось оно Любовью. Любовью к своему истинному «Я». К подлинному «Я». Так значит есть и не подлинное? Конечно. И о нем я узнал гораздо позже, когда стал молодым человеком...

Хорошо известны слова Иисуса о второй щеке, которую нужно подставить. Но в нас невольно возникает протест. И через этот протест Христос с Его учением может быть даже отвергнут. Я

предлагаю вот под каким углом взглянуть на заповедь Христа ответить добром на зло.

Чаще всего мы принимаем удары от близких людей. Так уж повелось. И чем ближе человек, тем чувствительней удар, тем глубже рана. Почему так происходит? Да потому что ему известны наши слабые места. Но мы редко задумываемся над тем, кто наносит удар? Мы считаем, что это наш близкий, тот, кого мы любим, или по крайней мере, любили когда-то. Тот, ради кого мы, быть может, пожертвовали всем. Но на самом деле боль нам причиняет не наш близкий, а его двойник...

Этот двойник представляет собою ложную личность нашего близкого человека, то самое неподлинное «я». Словом, речь идет о некоем психическом паразите или призраке. Быть отрешенным, значит не реагировать на ложную личность нашего близкого человека. Как? Зинаида Александровна говорила, что на вопрос «как?» волшебники не отвечают. К этому можно добавить – на вопрос «как?» нет ответа. Вопрос вырастет и сам на себя ответит. Не мешай ему расти. Китайская поговорка гласит: «Живи, сохраняя покой. Придет время и цветы распустятся сами»...

Итак, очень легко принять психического паразита за истинное лицо нашего близкого. И как только мы отвечаем на агрессию агрессией, уже наш призрак вступает в игру. И тогда можно забыть об искре Божьей, которая заронена в наши души. Не две Божьих искры общаются друг с другом, а общаются два призрака, подкармливая друг друга раздражением и бессилием, бесконечными претензиями и затаенными обидами. Вероятно, поэтому и распалась моя первая семья. Ведь я всё принимал на личный счет.

Быть молодым человеком очень ответственно и очень тяжело. Может быть, и не существует большего испытания. Поэтому я с большим уважением отношусь к молодым людям. Они уже всё

понимают, но неспособны совладать с собой. Зрелость гораздо милосерднее. Она дает силу справиться со многим, даже с тем, чего ты не понимаешь. Но к зрелости еще нужно прийти, отыскать к ней дорогу...

Представьте себе бревно. Оно лежит в вашей квартире и занимает половину комнаты. Одному человеку бревно не унести, но если вы возьметесь за второй конец, то бревно можно таскать всю жизнь. Когда Христос учит: «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5: 39), Он, по сути, говорит – не хватайся за второй конец бревна. Предоставь обидчику самому таскать бревно. Далеко он его не унесет. Но если ты не выдержишь, если у тебе не хватит отрешенности, не хватит зрелости и ты схватишься за второй конец, то жизнь в страдании обеспечена обоим. А чтобы не схватиться за бревно, нужно помнить, что вас обидел не ваш близкий, а его призрак. Вот пусть призрак и таскает бревно. Не помогайте ему. Что будет делать призрак в этом случае? Он обвинит вас в равнодушии и эгоизме. Он скажет: «Я что, должен один надрываться? У тебя совесть есть?» Но не верьте ему, он блефует. Ему нужно, чтобы вы любой ценой схватились за бревно.

Вспоминается пушкинский бес из сказки про Балду. «Приподнял кобылу, два шага шагнул, на третьем упал, ножки протянул». Вот так и поведет себя призрак, если ему не помогать. Протянет ножки и докажет, что его не существует. А существует ваш близкий человек и горящая в нем искра Божья.

Конечно, не схватиться за бревно трудно. Однако, это возможно. И Христос учит тому, что нам по силам. Вера движет горами. Но вера во что? Я думаю, вера в то, что это бревно не наше. Не схватился за бревно – и гору передвинул. Сохранил покой - и проявил величайшее сострадание ко всем живым существам, включая себя самого. Это и

есть зрелось. Вступая в зрелость, ты должен бросить бревно. С бревном в зрелость не берут.

Совершенно другими словами, но, как мне кажется, ровно о том же говорит Зинаида Александровна.

Дай мне недвижности Твоей,
О, дай мне Твоего покоя -
Безмолвной широты морей
И неба над чертой морскою.
Дай отрешенности такой,
Непостижимо совершенной,
В которой царственный покой
Незримо движет всей Вселенной.
Твоей суровой ласки дай.
Я не прошу Твоей заботы,
И на мольбу не отвечай,
А только будь моим оплотом.
Твоя незыблемая суть -
Всеи зыбкости моей преграда.
О, Господи, лишь только будь!
Мне больше ничего не надо.

Погаснут все звезды, но звезда Отрешенности будет светить всегда. Царственный покой и есть величайшее сострадание...

Деревянные переулки Казани. Сейчас о них уже забыли. Старую Казань раскатали по бревнышку. Развороченные избы напоминали разорённые гнезда. Улица Свердлова пахла сырой трухой и сиротством. Пали в неравной борьбе с прогрессом могучие тополя. Теперь Казань другая.

Это произошло осенним вечером, в уже далекие девяностые. Я возвращался домой и заметил на куче строительного мусора стеклянную банку, которая пошевелилась. То, что я увидел, изумило меня. Голодный щенок засунул голову в банку из-под майонеза и застрял в ней. Шея опухла. Освободить его у меня не вышло. И он задыхался. Оставалось только разбить двухсотграммовку. Но как? Ведь внутри банки голова. Я попытался успокоиться, чтобы рассчитать силу удара, но руки дрожали. Я взял кирпич. Ударил по банке в том состоянии, в котором был, потому что времени не было. Стекло лопнуло, разлетелось. Тараща глаза, он задышал, рванулся. Но мне пришлось поймать его. Да, банка разбилась, однако стеклянный обод с острыми краями остался на шее. Он неминуемо зарезался бы. И вот я глажу его. Уговариваю успокоиться. Чувствую как в ладони пулеметом стучит псиное сердечко. Наверное, мне Бог послал этого щенка. Потому что, точно так же, как я успокаивал псину, Бог стал успокаивать меня. И Он дал мне понять, что если я хочу помочь кому-то, я должен всё предоставить Ему, Богу. Но пользоваться Он будет моими руками.

Я осторожно ощупал толстый обод с острыми шипами. Обод плотно сидел на шее. Наткнулся на место стеклянной пайки. Просунув ладонь под горло, аккуратно провернул обод. Только один удар был у меня. Только один. Ведь я его до смерти напугаю, если что-то пойдет не так. Или просто убью, сломав позвоночник. Тогда я еще не читал Мейстера Экхарта, и не знал, что отрешенность выше любви. Потому что любовь без отрешенности возможна, а вот отрешенности без любви не бывает. Я успокоился насколько мог, отрешился, перевел дух. Я отдал всё Богу, и Он спокойно и сильно ударил. Обод лопнул. Щенок не пострадал. По тому какого деру задал мой товарищ, я понял, что он цел и невредим.

Как интересно всему учит жизнь! Невозможно кому-то сострадать, нельзя помочь, пока твое сердце не обрело покой. Пока ты не найдешь своё истинное сердце, руки будут дрожать. Ты схватишься не за тот кирпич, ударишь не с той силой и навредишь, обязательно навредишь тому, кого хочешь спасти. Отрешиться – это не значит отойти в сторону. Ведь я не ушел с кучи мусора. Отрешиться – это значит всё отдать Богу. Это значит ничего не оставить себе на черный день, даже страх. Отрешенность и есть бесстрашие любви.

У Бога нет других рук, кроме наших. Поэтому отсидеться в укрытии не получится. Ты будешь делать то, что должен, и никто за тебя этого не сделает. Но как ты будешь это делать? В каком состоянии?

Ах, Марфа, Марфа, погоди немного -
Накормит Бог, и ты накормишь Бога...

Кому нужна твоя помощь, если ты сам ходячая проблема, если ты не позволил Богу накормить тебя? Сначала войди в Покой, укоренись в нем всем сердцем, а потом действуй. Отрешенность и есть истинное милосердие. «Нельзя выбирать «достойных любви», - сказал мудрец. Все достойны. Я знаю, с этим трудно согласиться. Но когда ищешь только достойных – кормишь не Бога, а свое эго. И смирение состоит в том, чтобы кормить Бога, а не эго.

На море - ни ряби, ни тени.
Незыблемость глади морской.
Последняя степень смиренья,
Души отрешенной покой.

Души, к предстоянью готовой,
Что мир весь собой обняла.
Застывшие очи святого,
Господних глубин зеркала.

Есть у Зинаиды Александровны еще одно стихотворение о покое. Оно удивительно тем, что не оставляет камня на камне от «смертного покоя», то есть от самодовольной успокоенности и духовной инерции. Ведь Царство Небесное усилием берется.

Смысл всей жизни решается только в бою
Сил небесных с природой земною.
Чтоб отдать мне всю мощь и всю вечность свою,
Бог выходит сражаться со мною.
Нет, мой смертный покой Он не хочет беречь -
Жизнь без битвы подобна могиле...
Ты на битву зовешь, Ты приносишь мне меч,
Чтобы сила прибавилась к силе.
И бессильной моей не ответишь мольбе,
Тебе надобен доблестный воин.
А покой оставляешь Ты только себе,
Только в Боге дух будет спокоен.

Чтобы отсечь мечом всё неподлинное в себе, нужна сила и решимость. Ты должен быть непреклонен как скала. Нужно выбросить весь хлам из души. Нужен напор творчества. Сражайся и побеждай, ибо твои враги уже мертвы, сказал Кришна Арджуне. Враги мертвы, это означает - призраков не существует. Ты – победитель призраков и двойников. Но ты должен сражаться. Ты должен прибавить силу к

силе. Однако как же соединить отрешённость и покой с непреклонностью и битвой? Повторю слова Померанца, которые уже звучали не раз. Ярость битвы может превратить змееборца в нового змея. На хорошей иконе Георгий Победоносец сохраняет отрешенную чистоту духа в пылу битвы...

Когда мы говорим об отрешенности, речь идет о новом качестве наших эмоций, наших чувств, а не об отказе от них. Поэтому в буддизме под нирваной понимается угасание не Бытия, а страсти, привязанности, омрачения. Бытие же разгорается, и разгорается оно, потому что мы способны глубоко чувствовать. «Господних глубин зеркала» полны Жизнью.

Наше ложное «я», наш призрак влюблен в нас, а мы влюблены в нашего призрака. Но в такой любви нет отрешенности. В такой любви есть только зависимость и привязанность. Призрак живет во времени, да оно и само призрачно. Но есть вечный Огонь того, что ЕСТЬ, и что не может исчезнуть. И этот Огонь – Любовь к нашему высшему «Я». Это любовь к тому Образу, по которому мы созданы. Предать Образ – это все равно, что предать друга. Единственного друга. Но это невозможно.

Померанц и Миркина смотрели в одну сторону – в сокровенную глубину сердца, и именно там произошла их встреча. И в тоже время не могут встретиться те, кто никогда не расставался. А их души всегда были вместе. На земле они соединились на время, а в вечности они держатся за руки всегда. И невозможно разлучить праведников с Богом или друг с другом.

Праведников гораздо больше, чем кажется. Про многих мы просто ничего не знаем. О праведниках можно сказать так же, как Зинаида Александровна сказала о своих деревьях.

Атланты эти небо держат,
Сплетя над нами сотни рук.
Их отрешенность – тайный Стержень
Всего, что движется вокруг.

Январь 2020